

Е. В. Маслий

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Дискурсивно-семантическая аттракция
как способ существования концепта
(на материале концепта *юродство*)**

Маслий О. В. Дискурсивно-семантична атракція як спосіб існування концепту (на матеріалі концепту *юродство*). Цілісність концептуальних смислів підтримується в мовленнєвих (синтагматичний аспект) та дискурсивних проєкціях (парадигматичний аспект). Автор статті, розглядаючи концепт *юродство*, — національно-специфічний для російської культури в цілому — робить висновок, що способом існування концепту є дискурсивно-семантична атракція.

Ключові слова: *концепт, юродство, дискурс, дискурсивно-семантична атракція.*

Маслий Е. В. Дискурсивно-семантическая аттракция как способ существования концепта (на материале концепта *юродство*). Целостность концептуальных смыслов поддерживается в речевых (синтагматический аспект) и дискурсивных проекциях (парадигматический аспект). Автор статьи, рассматривая концепт *юродство*, — национально-специфический для русской культуры в целом — делает вывод, что способом существования концепта является дискурсивно-семантическая аттракция.

Ключевые слова: *концепт, юродство, дискурс, дискурсивно-семантическая аттракция.*

Masliy E. V. Discursive semantic attraction is the concept's mode of existence (on the material concept *yurodstvo*). The integrity of conceptual meanings is supported in the speech projections (syntagmatic aspect) and the discursive projections (paradigmatic aspect). The author studying the concept *yurodstvo* (which is nationally characteristic of the Russian culture on the whole) arrives at the conclusion that discursive semantic attraction is the concept's mode of existence.

Keywords: *concept, yurodstvo, discourse, discursive semantic attraction.*

Любой исследователь концептуальной семантики рано или поздно задается вопросом: «Каким образом обеспечивается целостность концепта в пространстве языка и культуры?». В статье на материале концепта *юродство* (Ю) предлагается вариант ответа на этот вопрос.

Анализ текстового материала показал, что глубинные связи разных слов поддерживаются семантической аттракцией, обеспечивающей целостность их значений в образных проекциях. Это позволяет слову юродивый входить в принципиально разноплановые контексты, содержащие оценку, которая, как правило, располагается на крайних точках аксиологической шкалы. В одном ряду с юродивым оказываются *странники, пьяницы, расстриги-монахи, царь-грешник, кликуши, эпилептики, шуты, художники, трикстеры, жрецы, шаманы, окаянные интеллигенты, неприкаянные студенты, чудачки, правдоискатели, сказочницы, скomorохи, подвижники, праведники, мученики, пророки,*

божественные безумцы, аутсайдеры и т.д. (подробнее об этом [4]).

Феномен юродства открывается сознанию разных типов, чем предопределяется вариативность дискурсивных проекций соответствующего концепта (К). Ю в традиционном или модифицированном виде осмысливается в религиозном, фольклорном, научном, философском, медицинском, художественном, публицистическом, Интернет- и быденном дискурсах. Этот перечень связан с особенностями бытования КЮ и не претендует на универсальность. Поскольку в этом аспекте КЮ не рассматривался в научной литературе, целью статьи является описание смысловых доминант каждого дискурса.

Юродство как религиозное явление возникает на Руси в XI–XIV веках, осмысляясь в быденном и религиозном дискурсах. В последнем слово юродство как имя концепта фигурирует в одном из своих первоначальных значений: ‘глупость’, ‘неразумие’, ‘безрассудство’, ‘безумие’. Но вместе с тем «церковь... признает и юродивых Христа ра-

ди, принявших на себя смиренную личину юродства» [1:669].

С. А. Иванов, ссылаясь на Печерский Патерик (XII в.), отмечает дополнительный смысл слова юродствовать — «вести себя каким-то нестандартным образом» [2:239–240]. При этом исследователь называет юродивых «нестандартными святыми» [2:263] и указывает, что «какая-нибудь «неправильность» обнаруживается почти у каждого из складывавшихся в XV—XVI вв. юродских культов» [3:255].

В религиозных текстах Ю оценивается амбивалентно. Модус оценки зависит от точки зрения — внутренней или внешней — по отношению к религиозному мировоззрению: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» [I Кор. 1:18]. Контексты этого типа отражают крайнюю антиномичность представлений верующего человека и мирянина. С точки зрения верующего Ю отождествляется с силой Божьей, крестом, мудростью, спасением, самим распятым Христом, христианством, «не сводимым к определению или формуле». Этот ряд связан с самим духом христианства, с «путем, противоположным фарисейству» (Архиепископ Иоанн), в широком смысле — с идеальной парадигмой поведения верующего. Однако с точки зрения мирянина — внешнего по отношению к религиозной системе ценностей наблюдателя — все это выглядит безумием.

В ранних текстах религиозного содержания юродивый изображен как «положительно прекрасный человек», отмеченный исключительными добродетелями и достоинствами (подробнее об этом [5]). Закономерно, что подобный идеал христианской праведности стал в период расцвета Ю (XV – перв. пол. XVII вв.) образцом для подражания: «общий настрой эпохи сказался в «Домострое», составитель которого призывает всех православных: «Подражаймь... и поревнуем... уродивым Христа ради» (цит. по [2:265]).

Со временем полярность значений (Ю — идеал христианина, Ю — безумие) теряет свою актуальность. На смену альтернативе мирское — духовное приходит триада, в которой и православному и светскому миру противостоит юродивый Христа ради.

В силу того, что феномен юродства амбивалентен по своей природе, его оценка в исторической перспективе никогда не была однозначной. И в религиозном, и в обыденном дискурсах юродивый предстает как святым, так и изгоем [9:91]. Главной особенностью

осмысления Ю в религиозном дискурсе можно считать тот факт, что юродивый рассматривался, с одной стороны, как один из идеалов русской святости, с другой — олицетворял собой нестандартные формы этой святости.

В XIX веке зарождающаяся психиатрия актуализирует в юродивом только один признак — «психическую ненормальность», что приводит к изменению дискурсивной доминанты: юродивый становится односторонне интерпретируемым объектом медицинского дискурса [10]. Однако в публицистике этого же периода ведется активная полемика, отражающая разное отношение к Ю. Наряду с этим начинается философское и богословское осмысление феномена Ю [См. работы Е. Беленсон, А. Киреева, И. Ковалевского, Е. Поселянина, И. Прыжова и пр.].

В философском дискурсе рассматриваются отдельные аспекты Ю, а его природа постигается через аналогию (установление типологических связей), определяется с помощью когнитивных метафор и генерализующих обобщений, представляющих общее, типичное через частное. В силу этого юродивый предстает своего рода модельной личностью, репрезентирующей важные особенности русского православия и культуры в целом.

Параллельно Ю постигается в пространстве художественной литературы. Изображение Ю в литературе XIX–XX вв. претерпевает определенную эволюцию: от героя юродивого (А. Пушкин «Борис Годунов», Л. Толстой «Детство», А. Герцен «Доктор Крупов», Л. Улицкая «Семеро святых из деревни Брюхо» и пр.) до героя, для которого Ю определяется в качестве типа поведения или органического свойства (Н. Гоголь «Шинель», Ф. Достоевский «Идиот», Б. Евсеев «Юрод» и пр.). В то же время и в художественной практике, и в бытовом поведении многие авторы демонстрируют как особый тип поведения так называемое «юродствование», в самом общем виде соотносимое с шутством [8:8].

В многообразии дискурсивных проекций выделяется связь КЮ с «интеллигентским» дискурсом, определяемая соприродностью «интеллигентского» и «юродского» типов сознания. На несомненную близость рассматриваемых феноменов указывал и А. М. Панченко: «Юродство действительно могло быть одной из форм интеллигентного и интеллектуального критицизма» [9:80]. Названные дискурсы взаимопроецируются в обширном поле значений, главными из которых можно считать такие:

‘проводник высшей правды’, ‘обостренная совесть’, ‘пророк’ (подробнее об этом [6]).

В современном обыденном дискурсе смысловые доминанты интерпретации Ю представлены иными значениями: ‘умственная неполноценность как природное качество’ и ‘нестандартность, «невписанность» в норму’ (подробнее об этом [7]).

Как видим, анализ контекстно обусловленных значений слов, формирующих дискурсивно-семантическую парадигму концепта, показал значимость типа дискурса, в рамках которого реализуется тот или иной текст. Обращает на себя внимание смена дискурсивных доминант КЮ, проявляющаяся в диахронии.

Семантическое ядро К также не является неизменным. Объем его содержания обуславливает та или иная социокультурная до-

минанта. В исторической динамике типы дискурсов замещают друг друга. Поэтому дискурсивно-семантическая аттракция выявляет смену смысловых доминант К, актуализированных в различных дискурсах.

В синхронии дискурсивные планы дополняют друг друга. На уровне К как уникального смыслового целого наблюдается аттрактивное взаимодействие составляющих его смыслов, их расширение и неизбежная в связи с этим диффузность их соотношений.

Возможность дискурсивной транспозиции концептуальных смыслов при сохранении смыслового объема К и его целостности обеспечивает дискурсивно-семантическая аттракция, которая, по-видимому, является основополагающим способом существования К в языке и культуре и его феноменальным свойством.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. — М. : Русский язык, 1989—1991. — Т. 3: П. — 1990. — 555 с.
2. Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства / Рос. Академия наук. Ин-т славяноведения. М. : Языки славянских культур, 2005. — 448 с.
3. Иванов С. А. Византийское юродство. — М. : Межд. отнош., 1994. — 238 с.
4. Маслий Е. В. Значения слова юродивый в контекстах соположения как содержательный фрагмент концепта «юродство» // Вісник ХНУ : Сер. Філологія. — Х., 2007. — Вип. 50. — №765. — С. 20—24.
5. Маслий Е. В. Концептуальные смыслы юродство в религиозном дискурсе // Вісник ХНУ : Сер. Філологія. — Х., 2009. — Вип. 58. — № 873. — С. 44—49.
6. Маслий Е. В. Русский «интеллигентский» дискурс в его отношении к юродству // Вісник ХНУ : Сер. Філологія. — Х., 2010. — № 910. — Ч. I. С. 443—448.
7. Маслий Е. В. Представления о юродстве в обыденном дискурсе (по данным лингвистического эксперимента) // Вісник ХНУ : Сер. Філологія. — Х., 2012. — № 1014. — Вип. 65. — С. 98—103.
8. Мотеюнайте И. В. Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков : Автореф. дисс... докт. филол. наук. Великий Новгород, 2006. — 39 с.
9. Панченко А. М. Смех как зрелище // Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Смех в Древней Руси. Л. : Наука, 1984. — С. 72—153.
10. Янгулова Л. Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. — СПб.; М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2001. — Вып. 1. — С. 192 — 213 [Эл. ресурс] // Библиотека Гуглер : Культурология. Режим доступа : www.ecsocman.edu.ru/db/msgmu/134062.html—38к. — 3 а-гл. с экрана.